

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Статья / Article

УДК / UDC 342 (091) «18»

DOI 10.35231/18136230_2021_3_8

Проект М.М. Сперанского и правительственный конституционализм начала XIX в.

А. В. Гоголевский

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье рассматривается взаимосвязь правительственного конституционализма, подразумевавшего ограничение самодержавия дарованной императором конституцией, с планом преобразований М.М. Сперанского, составленным по поручению Александра Первого в 1809 г.

Сформулирован вывод согласно которому на развитии правительственного конституционализма сказался только раздел плана, связанный с созданием Государственного совета, реальные полномочия которого, однако, не позволили ограничить самодержавную власть законом. Государственный совет, вопреки мнению части историографии, не стал и не мог стать во главе законодательства.

План преобразований М.М. Сперанского не имел шансов на успех, поскольку в стране отсутствовали условия для замены самодержавия конституционным государством. Предначертания плана вместе с тем не несли ничего нового, по сравнению с тем, что замышлялось, но не осуществилось Негласным комитетом в 1801–1803 гг. Речь идет о законодательной ветви власти, ответственности министров перед ней, разработке и принятии конституции.

Ключевые слова: план преобразований М.М. Сперанского, император Александр Первый, Государственный совет, предварительное рассмотрение законопроектов в Государственном совете, порядок представления законопроектов императору, ответственность министров, русский абсолютизм, самодержавие, конституция.

Для цитирования: Гоголевский А.В. Проект М.М. Сперанского и правительственный конституционализм начала XIX века // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 3 (65). С. 8–19. DOI 10.35231/18136230_2021_3_8

The project of M.M. Speransky and the government constitutionalism of the early XIX century

Aleksandr V. Gogolevskii

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The article is devoted to the consideration of the relationship between government constitutionalism, which implied the limitation of autocracy by the constitution granted by the Emperor, with the plan of reforms of M.M. Speransky, composed on behalf of Alexander the First in 1809. The conclusion was formulated according to which the development of government constitutionalism was affected only by the section of the plan related to the creation of the State Council, the real powers of which, however, did not allow limiting the autocratic power by law. The State Council, contrary to the opinion of some historiographers, did not and could not become the head of legislation. The plan of transformations of M.M. Speransky had no chance to success, since there were no conditions in the country for replacing autocracy with a constitutional state. The outlines of the plan, however, did not carry anything new in comparison with what was planned, but not implemented by the Secret Committee in 1801–1803. We are talking about the legislative branch of government, the responsibility of ministers to it, the development and adoption of a constitution.

Key words: plan of reforms of M.M. Speransky, Emperor Alexander the First, State Council, preliminary consideration of bills in the State Council, procedure for submitting bills to the emperor, responsibility of ministers, Russian absolutism, autocracy, constitution.

For citation: Gogolevskii, A.V. (2021). Proekt M.M. Speranskogo i pravitel'stvennyj konstitucionalizm nachala XIX veka [The project of M.M. Speransky and the government constitutionalism of the early XIX century]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 3 (65). pp. 8–19. DOI 10.35231/18136230_2021_3_8 (In Russian).

Введение

Принято считать, будто бы неудачный для России Тильзитский мир подтолкнул Александра Первого ко второму кругу преобразований [6, с. 124–125; 5, с. 220]. Однако обосновать подобный вывод, опираясь на факты, а не на предположения, затруднительно. Отсылки к мнению послов Франции и Швеции в Петербурге об общественном недовольстве и непочтительном отношении молодежи к императору не убеждают. Во-первых, не ясны источники информации послов. Во-вторых, о каком общественном мнении можно толковать в условиях самодержавной России начала XIX в., когда все сословия, в том числе и дворянство, пребывали в рабской зависимости от короны. А.Н. Пыпин повествует об

увлеченности Александра Первым Наполеоном после Тильзита, обусловившей еще одну попытку воспользоваться опытом Франции в осуществлении реформ. Возможно, но вероятно и другое. Видимо, одна из загадочных и непонятных для современников черт характера Александра Первого заключалась не только в его колебаниях и нерешительности, но и в упрямстве, верности, казалось бы, несбыточным мечтаниям юности. Взойдя на престол, он искренне хотел приступить к конституции. Но обстоятельства и ближний круг друзей убедили его в несвоевременности такой попытки. Очевидно, с юношеской мечтой о конституции император так и не расстался. Сближение его со Сперанским в 1809 г. произошло именно при совместном рассмотрении проекта конституции, подготовленного бароном Розенкампом, с последующими исправлениями, внесенными Н.Н. Новосильцовым и Адамом Чарторижским. Н.К. Шильдер считал, что бывать у императора М.М. Сперанский стал с 1806 г., представляя доклады вместо болевшего министра В.П. Кочубея. По его мнению, «превосходный докладчик, ловкий и сметливый исполнитель принимаемых повелений, умевший на лету ловить и угадывать каждое слово, Сперанский с первых пор очаровал государя, который тогда же стал давать ему разные поручения» [8, с. 106]. О том, с чего начинался новый проект преобразований, повествует сам М.М. Сперанский в письме императору, составленном в феврале 1813 г. и приведенном М.И. Богдановичем [2, с. 46–60]. Согласно ему, из частых бесед с императором М.М. Сперанский заключил: будто бы с начала царствования Александр Первый «поставил себе правилом ... составить наконец твердое и на законах основанное Положение», иначе говоря, ввести в России конституцию.

Основные идеи М.М. Сперанского в плане преобразования государственно-правовой системы России

С 1808 г. император совместно с М.М. Сперанским нередко проводил вечера за чтением литературы, посвященной порядкам государственного управления в разных странах. Как сказано в письме, из таких занятий, «стократных может быть разговоров и рассуждений Вашего Величества ... произошел план всеобщего государственного образования». По оценке М.М. Сперанского, он не вносил ничего нового, а лишь систематически изложил идею, занимавшую Александра Первого с 1801 г. и заключающуюся в том, чтобы «посредством законов и установлений утвердить

власть правительства на началах постоянных». Подготовленный М.М. Сперанским проект император ежедневно рассматривал в октябре-ноябре 1809 г., внося изменения и правки, после чего постановил ввести его в действие. Известен он под названием «Введение к Уложению государственных законов» и довольно изучен в литературе, чтобы подробно на нем останавливаться. С точки зрения правительственного конституционализма, т. е. ограничения самодержавия дарованной императором конституцией, он действительно не содержал ничего такого, чтобы Александр Первый не обсуждал в своем ближнем кругу в 1801–1803 гг. Как и тогда, принять конституцию и созвать народное представительство намечалось на завершающем этапе реформы, в 1811 г., введя прежде новый порядок административного управления и утвердив новый свод законов. В письме М.М. Сперанский утверждал, будто такое решение принял император, дабы растянуть преобразования во времени, смешивая новые и старые учреждения из-за опасений приступить к обвальным переменам, «основываясь на одной теории». Ограничить самодержавие конституцией предполагалось лишь частично. Вводилась законодательная ветвь власти – Государственная дума, но с ограниченными полномочиями, ибо согласно плану М.М. Сперанского, «Законодательное сословие должно быть так устроено, чтобы оно не могло совершать своих положений без державной власти» [7, с. 108]. За Государственной думой закреплялись законодательные права, однако законопроекты вносились только министрами, либо членами Государственного совета. Принятые в Думе законы поступали на утверждение императору. Разумеется, нечто подобное обсуждалось ранее, в 1801–1802 гг. в Негласном комитете при рассмотрении проектов о придании Сенату законодательных полномочий. Не отличалась новизной и предусмотренная планом ответственность министров перед Государственной думой. О ее желательности не раз высказывался Александр Первый при обсуждении компетенции Сената и Совета при императоре.

Как справедливо отмечал А.Н. Пыпин, составленный М.М. Сперанским план состоялся только во второстепенных мелочах, главные его положения остались на бумаге, будучи неизвестными для общества [6, с. 126]. Для практики правительственного конституционализма гораздо важнее не сам план, а именно указанные «второстепенные мелочи», относившиеся не к мечтам о правовом государстве, а определявшие действительную политику. Речь, конечно, должна идти о Государственном

совете, учрежденном 1 января 1810 г., а предшествовал ему Совет при императоре, о полномочиях которого шли жаркие споры в Негласном комитете. Исходя из Манифеста об образовании Государственного совета от 1 января 1810 г.¹, Совет при императоре долго оставался временным и преходящим, и только Александр Первый дал ему название Государственного совета и задумал его реформу. Для понимания развития правительственного конституционализма важно определить, насколько очерченные в Манифесте права Государственного совета сказывались, либо могли в будущем сказаться на характере самодержавного правления. Идея Манифеста раскрывалась в его преамбуле, согласно которой, смысл осуществлявшихся в предшествовавшее время «усовершенствований внутренних установлений» состоял в том, «чтобы по мере просвещения и расширения общественных дел учреждать постепенно образ управления на твердых и непременных основаниях закона». Замысел такого рода управления раскрывался в первых пунктах Манифеста: «I. В порядке государственных установлений Совет составляет сословие в коем все части управления в главных отношениях к законодательству соотносятся и через него восходят к верховной императорской власти. II. По сему все законы, уставы и учреждения в первообразных начертаниях предлагаются и рассматриваются в Государственном совете и потом действием державной власти поступают к предназначенному им совершению. III. Никакой закон, устав и учреждение не исходит из Совета и не может иметь своего совершения без утверждения державной власти». В пункте 29 Манифеста назван перечень вопросов, подлежащих предварительному рассмотрению в Государственном совете: «1) Все предметы, требующие нового закона, устава или учреждения. 2) Предметы внутреннего управления, требующие отмены, ограничения или дополнения прежних положений. 3) Дела, требующие в законах, уставах и учреждениях изъяснения истинного их смысла. 4) Меры и распоряжения общие, приемлемые к успешнейшему исполнению существующих законов, уставов и учреждений. 5) Общие внутренние меры, в чрезвычайных случаях приемлемые. 6) Объявление войны, заключение мира и другие важные внешние меры, когда по усмотрению обстоятельств могут они подлежать предварительному общему соображению. 7) Ежегодные сметы общегосу-

¹ Российское законодательство X–XX вв. Т.6. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988.

дарственных приходов и расходов, способы их уравнивания, назначение новых издержек, в течение года встретиться могущих, и чрезвычайные финансовые меры. 8) Все дела, по коим отсуждается какая-либо часть государственных доходов или имуществ в частное владение. 9) Дела о вознаграждении частных людей за имущества, на государственные нужды взимаемые. 10) Отчеты всех министерств в управлении принадлежащих к ним частей.» Вместе с тем, пункт 30-й устанавливал порядок, предусматривавший изъятие из перечня дел, по которым либо следовал непосредственный доклад министра императору, либо предварительное суждение высказывалось комитетом министров.

Касаясь компетенции Государственного совета, А.Н. Пыпин полагал, будто бы император поставил Совет во главе законодательства, вменив ему предварительное рассмотрение мер в конституционных странах, относящихся к ведению национального представительства (парламента). Сослался он также на мнение М.М. Сперанского, следующим образом отозвавшегося о значении Государственного совета: «Одним сим учреждением сделан уже безмерный шаг от самовластия к истинным формам монархическим» [6, с. 139, 143]. Не оставил без внимания А.Н. Пыпин и составленную М.М. Сперанским речь императора при открытии Государственного совета 1 января 1810 г., выделив в ней три главные положения: 1. Законы должны опираться на государственные установления. 2. Бюджет предполагает предварительное рассмотрение. 3. Образ управления надлежит основать на законе. Оценка же А.Н. Пыпиным акта о создании Государственного совета такова: в выражениях Манифеста об учреждении Совета присутствовал уже не прежний тон абсолютной власти [6, с. 137]. Однако нетрудно видеть, учреждение Государственного совета вовсе не затрагивало прерогатив самодержавного монарха, как и прежде не связанного в своих действиях никаким законом. Конечно, с его созданием, казалось бы, изменялся порядок представления законопроектов императору. Но закрепленная в Манифесте о создании Государственного совета норма предварительного, перед представлением императору, рассмотрения законопроектов оказалась вовсе не новой, а позабытой старой. Ведь о ней упоминалось в ст. 28-й проекта Коронационной грамоты 1801 г., согласно которой министры прежде представления законопроекта императору должны были заручиться одобрением проекта в Сенате. Шла о ней речь и в отторгнутом Негласным комитетом проекте реформы Се-

ната Г.Р. Державина, содержащем предложение составлять проекты законов в Сенате с последующим их утверждением императором. Наконец, в поступившей на рассмотрение Негласного комитета записке Н.Н. Новосильцова «О разделении министерств и распределении полномочий» указывалось на целесообразность предварительного рассмотрения законопроектов в Совете при императоре. Причем, суть упомянутых, но не осуществленных в первые годы царствования Александра Первого предложений заключалась вовсе не в покушении на прерогативы самодержавной власти. Наоборот, предполагалось ее укрепить, поставив барьер вседозволенности и разобщенности ведомств, когда их главы единолично представляли проекты императору, а изданные по такого рода представлениям законы противоречили интересам других отраслей управления. Сам же император в таком порядке оказывался заложником глав ведомств, имевших право единоличного доклада. Между тем в каждой строке Манифеста 1 января 1810 г. вполне сохранился «прежний тон абсолютной власти». Разумеется, теперь министрам вроде бы стало нелегко воспользоваться доверием или неосведомленностью императора, поскольку законопроекты прежде рассматривались опытными сановниками и бюрократами в Государственном совете. Но Совет не располагал правом представить императору законопроекты по собственному почину. «Исходили» они из Государственного совета по «утверждению державной власти». Император мог утвердить мнение либо большинства, либо меньшинства в Совете, а если бы захотел – отторгнуть и то, и другое. Кроме того, сохранялась возможность издания законов и по собственным докладам министров императору. Поэтому трудно согласиться с мнением А.Н. Пыпина будто бы Александр Первый поставил во главе законодательства Государственный совет. Гораздо точнее высказывался о роли Совета М.М. Сперанский. В отправленном императору в феврале 1813 г. письме он возразил тем, кто усматривал в учреждении Государственного совета стеснение власти государя, следующими словами: все дела вносятся в Государственный совет по воле императора [2, с. 50]. По мнению М.М. Сперанского, Государственный совет учреждался с целью лишь усовершенствовать порядок законодательства, но не изменять его характер, о чем свидетельствует представленный им императору отчет по итогам 1810 г. Как сказано в нем, Государственный совет создавался, чтобы «власти законодательной, дотоле рассеяной и разнообразной, дать пер-

вый вид, первое очертание правильности, постоянства, твердости и единообразия» [6, с. 143]. Наконец, сам М.М. Сперанский указал на конъюнктурный характер создания Государственного совета. В поданной Александру Первому записке он предложил приступить к реализации плана преобразований с учреждения Совета, приведя следующие аргументы: 1. Его открытие не требует длительных приготовлений; 2. Необходимые для осуществления плана средства возможно извлечь, только увеличив налоги. Чтобы оградить верховную власть от недовольства, лучше, чтобы представление о повышении налогов исходило от Совета [8, с. 255].

Признавая изначально несовершенство Государственного совета, М.М. Сперанский относил прояснение его истинного значения лишь к отдаленному будущему, с чем нельзя не согласиться. Если полагать, будто бы такое «истинное значение» состояло в ограничении самодержавия, то в первом приближении о нем можно толковать применительно к предпринятой в 1881 г. попытке М.Т. Лорис-Меликова учредить при Государственном совете подготовительные, для выработки законопроектов комиссии. В случае ее осуществления Государственный совет со временем получил бы шанс превратиться в верхнюю палату парламента. Пока же в 1810 г. роль его сводилась к укреплению начал очерченной в записке канцлера Безбородко 1799 г., «истинной монархии», когда бы самодержавный монарх, сохраняя всю полноту законодательной и исполнительной власти, руководствовался не собственными прихотями, а следовал закону. Канцлер, как и вслед за ним члены Негласного комитета усматривали в такого рода «истинной монархии» преграду деспотизму правителя. Однако они весьма заблуждались. Государственный совет наряду с иными появившимися в итоге реформ 1801–1810 гг. институтами вовсе не сдерживали российских императоров как в следовании собственным прихотям, так и в применении отвратительных мер ничем неограниченной деспотической власти.

О причинах, препятствовавших установлению конституционной монархии в Российской империи в период правления Александра Первого

Разумеется, невозможно обойти дискуссию, которой уже более чем полтора века: почему не состоялся задуманный Александром Первым и составленный М.М. Сперанским план преобразований, который, как сказано у А.Н. Пынина, должен был привести к конституционной представительской форме правления? Видимо, именно А.Н. Пыпин привел

наиболее весомые аргументы, объясняя неудачу реформы. Он сослался на мнение Корфа, биографа М.М. Сперанского, согласно которому «Сперанский опередил и возраст, и степень образованности народа, построил здание без фундамента, т.е. без нравственной, юридической и политической подготовки умов» [6, с. 133]. Правда, в современной литературе высказывается мнение, будто бы Александр Первый отказался от осуществления конституционного проекта в предверии войны с Францией, избегая рисков ослабления государства [3]. Возможно и так. Однако важнее замыслов, слов и планов Александра Первого его поступки, действия как главы государства. Они же в 1801–1811 гг. отразили безусловную правоту ближайшего друга его юности князя Адама Чарторижского, усматривавшего в поведении императора склонность к удержанию в собственных руках неограниченной самодержавной власти. Сошлемся на весьма точное определение мемуариста: став императором, Александр Первый расстался с юношескими мечтами положить предел неограниченной самодержавной власти, ему стали нравиться только внешние признаки свободы, разговоры о ней, но он не допускал воплощения ее в жизнь [4, с. 307]. Конечно, образ действий Александра Первого как главы государства вовсе не основывался на его прихотях. Он был слишком умен и образован, чтобы слепо следовать доставшейся ему по наследству самодержавной, неограниченной власти. Сохранение ее покоилось на сложившихся экономических условиях существования государства, отношении к нему господствующего класса и населения, наличия общественного мнения, уровня образованности и политических предпочтений дворянства. В свое время М.Н. Дружинин высказал мнение, будто бы при Александре Первом самодержавие предприняло попытку создать «новую форму монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохранявшую власть государя». Часть современных исследователей с ним вполне согласны [3]. Но ему можно и возразить. Во-первых, спорен сам абсолютизм как форма существования российского самодержавия. Достаточно обратиться к давнейшей дискуссии по его поводу в советской историографии и положившей ей начало статье А.Я. Авреха [1], чтобы более к нему не возвращаться. Во-вторых, если понимать под абсолютизмом его толкование как своего рода равновесие между уходящим феодализмом и нарождающейся буржуазией, понятие юридического ограничения к нему неприменимо. В-третьих, возможно М.Н. Дружинин подразумевал под абсолютизмом ничем не ограниченное самодержавие.

Если так, то приходится изначально видеть в задуманных Александром Первым реформах лицемерие и коварство, когда предполагалось создать институты, по форме направленные против самодержавия, но на деле не способные его изменить. Но, как видится, лицемерить Александру Первому было не перед кем. Никто на его самодержавную власть не покушался, общественное мнение за его слабостью ни на что не претендовало, население никакой другой формы государственности, кроме неограниченного самодержавия, себе не представляло. Ведь несколькими десятилетиями ранее даже руководитель крестьянского бунта Пугачев объявлял себя императором. Если так, то попытки Александра Первого как-либо изменить самодержавный характер правления можно отнести, скорее, к его стремлению следовать собственным юношеским увлечениям, чем к взвешенной, опирающейся на анализ условий места и времени государственной политике.

Заключение

Нетрудно заметить, как все задуманные императором новеллы против ничем неограниченной власти самодержца остались лишь игрой его воображения. Осуществленные им при поддержке близкого круга друзей начинания не выходили за пределы очерченного еще в записке канцлера Безбородко проекта «истинной монархии», когда над самодержавным монархом никто не властен, но сам он добровольно подчиняется закону. Увы, но подобная конструкция, не имевшая институционального фундамента при полном подчинении всех сословий государству, изначально полностью зависела от личности самодержца. Но вряд ли какое-либо иное преобразование самодержавия могло состояться в первые годы царствования Александра Первого. Видимых причин для упразднения самодержавия и перехода к конституционному правлению не удалось обнаружить и М.М. Сперанскому. В преамбуле «Введения к уложению государственных законов» он обосновал необходимость конституции для России следующим опытом ее истории, в котором якобы отразилось движение к свободе: 1. Совет бояр при Алексее Михайловиче; 2. Кондиции, предъявленные Анне Иоановне; 3. Созыв уложенной комиссии Екатериной Второй; 4. Общественное мнение при Александре Первом, состоящее в том, что «образ мыслей настоящего времени совершенно противоположен образу правления» [7, с. 106–107]. Едва ли нужно комментировать указанный опыт по пути обретения свободы. Ни о чем ином, кроме как об

укреплении самодержавия и защите сословных привилегий дворянства он не свидетельствует. А вот о состоянии умов и действительной готовности России к конституции в начале XIX в. лучше самого М.М. Сперанского никому сказать не удалось. В 1803 г. по поручению министра внутренних дел В.П. Кочубея он составил записку, в которой утверждал: Россия к конституции не готова, и для перехода от самодержавия к конституционному правлению нет «даже самых первых элементов». Аргументы, приведенные в записке, таковы. В стране в наличии рабство, связанное с политическим устройством и воинской системой. Законодательство отсутствует, власть законодательная не отделена от власти исполнительной. Осуществить же разделение властей невозможно, поскольку нет представляющую законодательную власть независимого учреждения, и невозможно отыскать общественное мнение в его поддержку. Более того, созыв законодательного учреждения представляет большую опасность для страны с рабством и без просвещения [7, с. 92]. Остается лишь констатировать взвешенность реформаторских усилий Александра Первого и его ближайшего окружения, скоро осознавших невозможность воплощения в жизнь юношеских республиканских мечтаний императора и избравших иной путь преобразований.

Список литературы

1. Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 84–102.
2. Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. Т. V. СПб. 1871. Приложения к главе LXI. 530, 98 с.
3. Захаров В.Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – 1-й четверти XIX вв. Опыт сравнительно-исторического анализа. Ч. 2. М., 2017. 646 с.
4. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Том первый. М., 1912. 386 с.
5. Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957. 456 с.
6. Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871. 487 с.
7. Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700–1895). Ростов-н/Д., 1905. 197 с.
8. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Том II. СПб., 1897. 408 с.

References

1. Avrekh, A.YA. (1968). Russkij absolyutizm i ego rol' v utverzhdenii kapitalizma v Rossii [Russian absolutism and its role in the affirmation of capitalism in Russia]. *Istoriya SSSR – History of the USSR*. No 2. pp. 84–102. (In Russian).
2. Bogdanovich, M.I. (1871). *Istoriya carstvovaniya imperatora Aleksandra I i Rossiya v ego vremena* [The history of the reign of Emperor Alexander I and Russia in his time]. T. V. St. Petersburg. 98 p. (In Russian).
3. Zaharov, V.YU. (2017). Rossijskij i zarubezhnyj konstitucionalizm konca XVIII – 1-j chetverti XIX vv. Opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza [Russian and foreign constitutionalism of the late XVIII – 1st quarter of the XIX centuries. Experience of comparative historical analysis]. Part 2. Moscow. 646 p. (In Russian).
4. Memuary knyazya Adama Chartorizhskogo i ego perepiska s imperatorom Aleksandrom I [Memoirs of Prince Adam Chartorizhsky and his correspondence with Emperor Alexander I]. (1912). Tom I. Moscow. 386 p. (In Russian).
5. Predtechenskij, A.V. (1957). Oчерки obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossii v pervoj chetverti XIX v. [Essays on the socio-political history of Russia in the first quarter of the XIX century]. Moscow-Leningrad. 456 p. (In Russian).
6. Pypin, A.N. (1871). Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I [Social movement in Russia under Alexander I]. St. Petersburg. 487 p. (In Russian).
7. Svatikov, S.G. (1905). Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii (1700–1895) [Social movement in Russia (1700-1895)]. Rostov-on-Don. 197 p. (In Russian).
8. SHil'der, N.K. (1897). Imperator Aleksandr Pervyj. Ego zhizn' i carstvovanie [Emperor Alexander the First. His life and reign]. Tom II. St. Petersburg. 408 p. (In Russian).

Об авторе

Александр Владимирович Гоголевский, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: a.gogolevskiy@lengu.ru

About the author

Aleksandr V. Gogolevskii, Dr. Sci. (Hist.), Full Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: a.gogolevskiy@lengu.ru

Поступила в редакцию: 11.07.2021

Received: 11 July 2021

Принята к публикации: 25.08.2021

Accepted: 25 August 2021

Опубликована: 29.09.2021

Published: 29 September 2021